

Подобед В.А., Цимиданов В.В.

ПОГРЕБЕНИЯ С ШИЛЬЯМИ И ИГЛАМИ В КУЛЬТУРАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ (СТЕПЬ И ЛЕСОСТЕПЬ)

В статье анализируются погребения с шильями, иглами и костяными проколками культур эпохи поздней бронзы (особенно, срубной) и предскифского времени степи и лесостепи Восточной Европы. Авторы пытаются выяснить, имела ли место корреляция рассматриваемых артефактов с определенными возрастными, половыми и социальными группами. Затрагиваются также вопросы семантики шильев и игл.

Среди категорий погребального инвентаря срубной культуры присутствуют бронзовые шилья и иглы. Нередко они попадали в один комплекс, что позволяет допускать наличие семантической связи между ними [Берестнев 2001, с. 97].

Внешне неброские, рассматриваемые предметы до сих пор не вызывали должного интереса исследователей. В литературе мы найдем лишь единичные попытки анализа срубных погребений с данными артефактами. Так, в работе Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева и А.И. Крамарева было обращено внимание на неравномерность распределения захоронений с иглами на территории Поволжья и Приуралья, а так же – на наличие устойчивой корреляции игл с шильями в контексте погребального обряда [Багаутдинов и др. 2004, с. 230]. Применительно к погребениям украинской лесостепи на эту же корреляцию еще раньше обратил внимание С.И. Берестнев [Берестнев 2001, с. 97].

Р.А. Литвиненко, полемизируя с Э.С. Шарафутдиновой, трактовавшей рассматриваемые предметы как женские атрибуты [Шарафутдинова 1995, с. 86], сказал, что «... на Северском Донце ... срубные погребения с иглой и шилом исключительно не женские, а мужские; по определению Е.А. Шепель» [Протоколы... 1995, с. 92]. Позже он, рассматривая срубные могильники Донецкого региона, отнес присутствие в погребениях шильев и игл к «чистым» мужским признакам [Литвиненко 1996, с. 63].

И.Ф. Ковалева отметила, что погребения с шильями и иглами, как правило, отличаются усложненным обрядом и «избыточным» инвентарем от модели «так называемого рядового погребения». Проанализировав погребальные комплексы Орельско-Самарского междуречья, Днепровского Надпорожья и Правобережья, исследовательница предположила, что погребавшиеся с данными предметами лица были «особо уважаемыми членами социума, обычно главами родов», людьми, «посвященными в таинства», участниками «сокровенных ритуалов», в ходе которых использовалась одежда из овечьей шкуры [Ковалева 1996].

Одним из авторов данной статьи высказывалась точка зрения, согласно которой умершие, погребавшиеся с шильями и иглами, были мастерами, занимавшимися шитьем изделий из кожи и имевшими особый ритуальный статус в силу сакральности шитья [Цимиданов 2004 а, с. 55, 81-88].

В предлагаемой работе поставлена цель рассмотреть захоронения с шильями и иглами более детально¹. Мы располагаем данными о 36 срубных погребениях, где присутствовали бронзовые шилья². Подобные предметы в последние годы, под влиянием разработок В.В. Отрощенко (см., например: Отрощенко, Черных 1998), иногда именуют стрекалами [Лопатин, Четвериков 2007, с. 39]. Поэтому следует уточнить, что ни в одном из учтенных нами комплексов не было прослежено остатков шеста, наличие которого позволило бы утверждать, что перед нами – именно стрекало.

¹ Авторы искренне благодарны Ю.Б. Полидовичу за ряд ценных советов, полученных от него в ходе написания данной работы.

² Имеются в виду комплексы, где шилья не дополнялись иглами.

Регионы	Знаки				
	Шило	Игла	Шило + игла	Костяная проколка	Перечисленные знаки в целом
Южный Урал 847*	0,4	0,1	--	--	0,5
Среднее Поволжье 882	1,1	1,2	0,6	--	2,9
Нижнее Поволжье 972	0,8	0,2	0,2	0,1	1,3
Восточная территория в целом 2701	0,8	0,5	0,3	0,04	1,6
Верхнее и Среднее Подонье 423	0,9	1,0	0,2	0,2	2,4
Нижнее Подонье 535	0,2	0,4	--	0,2	0,8
Предкавказье 107	0,9	--	--	--	0,9
Украинская лесостепь, левобережье Среднего Донца, бассейн Калитвы 436	0,5	0,2	0,2	--	0,9
Донбасс 870	0,5	0,3	0,2	--	1,19
Приазовье 736	0,1	--	--	--	0,1
Орельско-Самарское междуречье 455	0,2	0,2	--	--	0,4
Самарско-Конкское междуречье 286	--	--	--	0,3	0,3
Днепровско-Молочанское междуречье 332	--	0,3	0,9	--	1,2
Днепровское Правобережье 245	0,4	0,8	0,8	--	2,0
Крым 218	--	--	--	--	--
Западная территория в целом 4643	0,3	0,3	0,2	0,06	0,9
Территория срубной общности в целом 7344	0,5	0,4	0,2	0,1	1,1

Примечание: * – число учтенных погребений

Табл. 1. Удельный вес погребений срубной культуры с шильями, иглами, сочетанием шила и иглы и костяными проколками в разных регионах (%).

Также учтено 28 погребений с бронзовыми иглами и 16, где найдены бронзовые шилья и иглы вместе. Кроме того, в предлагаемой работе мы намерены коснуться захоронений, где было по 1 костяной проколке (если в захоронении несколько «проколов», то это, скорее всего, не проколки, а фрагменты орудий для прядения, ткачества или гребней). Таких погребений учтено 4 [Старцева 1980, с. 75, 77; Федорова-Давыдова 1986, с. 125; Ляшко и др. 2004, с. 69-70; Захариков, Цыбрий 2007, с. 96, табл. 1]. Ниже мы попытаемся показать, что в срубной культуре костяные проколки, скорее всего, были семантически равнозначны бронзовым шильям. Тем не менее, на наш взгляд, стоит анализировать погребения с ними отдельно от погребений с шильями. Добавим, что нам известно еще 1 захоронение с костяной проколкой. Но, в отличие от упомянутых выше комплексов, выявленных в курганах, данное захоронение обнаружено в жилище [Бровендер 1993, с. 159, 163]. Подобные погребения некоторые исследователи склонны трактовать не как собственно погребальные комплексы, а как результаты жертвоприношений [Изотова 1997, с. 91-92; Мимоход 1997, с. 112-114; Новикова 2008, с. 433, 434]. Поскольку данный подход

представляется нам обоснованным, мы сочли за лучшее упомянутый комплекс с проколкой не рассматривать суммарно с остальными.

Ареал учтенных нами погребений очень широк. Они выявлены практически во всех регионах срубной культурно-исторической общности, хотя везде их удельный вес низок (табл. 1). Можно обратить внимание на то, что процент захоронений с интересующими нас артефактами несколько выше на восточной территории общности. Далее мы будем отдельно рассматривать 4 массива погребений:

- а) погребения, где находились шилья;
- б) погребения, где выявлены иглы;
- в) погребения, где присутствовали шилья и иглы вместе;
- г) погребения с костяными проколками.

Прежде всего, коснемся возраста и пола лиц, в могилы которых попадали данные предметы.

Погребения с шильями

На *восточной территории* учтено 21 захоронение с шильями. 16 погребенных были взрослыми, 2 – подростками, возраст двух неизвестен, еще один комплекс являлся кенотафом.

Определений пола, сделанных антропологами, лишь 6 (женщины 20-25 и 45-55 лет, мужчины неопределенного возраста, 25, 25-35 и 55-65 лет). Еще в 4 случаях женский пол можно предполагать, исходя из присутствия в комплексе набора украшений, что в срубной культуре являлось женским признаком [Цимиданов 2004 б, с. 274-277; Цимиданов 2006, с. 199]. Два погребения могут быть причислены к мужским на основании нахождения в них топора и булавы, которые устойчиво коррелируются с мужским полом [Цимиданов 2006, с. 199]. Таким образом, в массиве имеются и мужские, и женские погребения, из чего видно, что попадание в могилу шила не определялось полом. Добавим следующее. На восточной территории нами учтено 199 мужских погребений (пол определен антропологами). Среди них захоронения с шильями составляют 1,5%. Женских погребений учтено 147. Из них 1,4% содержали шилья. Следовательно, вероятность попадания шила в могилу была почти одинакова у лиц обоих полов.

На *западной территории* учтено 15 погребений с шильями: 14 умерших были взрослыми, 1 – ребенком 4-5 лет.

В 5 случаях есть сделанные антропологами определения пола (женщина 20-25 лет, мужчины 40, 40-45, 40-55 лет и преклонного возраста). Еще в 1 случае, судя по присутствию в комплексе набора украшений, можно предполагать, что погребена женщина. Таким образом, и на западной территории шилья могли попадать в могилы лиц обоих полов. В то же время, на западной территории, в отличие от восточной, у мужчин шанс оказаться погребенными с шильями был, похоже, более высок, чем у женщин. Это видно из следующего. На данной территории нами учтено 287 погребений, где пол умерших определен антропологами как мужской. При этом 1,4% мужчин погребены с шильями. Показатель по женщинам (учтено 161 захоронение) составляет 0,6%.

Стоит отметить еще один момент. На *восточной территории* нами учтено 89 погребений взрослых с возрастом до 40 лет. Из них 2,2% содержали шилья. В массиве из 48 погребений лиц с возрастом 40 и более лет соответствующий показатель составляет 4,2%. Отсюда возможно допущение, что вероятность быть погребенным с шилом росла по мере увеличения возраста человека. На *западной территории* картина аналогична. Из 208 взрослых с возрастом до 40 лет с шильями был погребен 1,0%, а из 134 умерших с возрастом 40 и более лет – 3,0%.

Погребения с иглами

На *восточной территории* учтено 14 захоронений с иглами. 1 умерший имел возраст 15-18 лет, в 2 случаях возраст неизвестен, остальные погребенные были взрослыми.

В 5 случаях пол определен антропологами (женщины 15-18 лет, средних лет, неопределенного возраста (2 комплекса), мужчина 60-70 лет). Еще 2 погребения содержали наборы украшений, т.е., очевидно, являлись женскими. Наконец, в 1 погребении выявлены браслеты, что тоже является женским признаком [Цимиданов 2006, с. 199]. Таким образом, в рассматриваемом массиве преобладают женские захоронения. Добавим, что в сводке мужских погребений данной территории, по нашим подсчетам, комплексы с иглами составляли 0,5%. Показатель по женским погребениям – 2,7%.

На *западной территории* нам известно 14 погребальных комплексов с иглами. Возраст умерших в 2 случаях неизвестен, 1 погребенный был подростком, остальные – взрослыми.

Пол определен антропологами в 3 случаях (мужчины 30-35, 40-50 и 40-55 лет). В 3 захоронениях выявлены наборы украшений, а потому можно считать, что умершие были женщинами. Таким образом, на рассматриваемой территории, как и на восточной, иглы оказывались в захоронениях лиц обоих полов. В то же время, пока нет оснований говорить о том, что на западной территории иглы коррелировались с погребениями женщин в большей степени, чем с погребениями мужчин. Удельный вес комплексов с иглами среди мужских погребений составляет 1,0%. Соответствующий показатель по захоронениям женщин нет смысла высчитывать, ибо среди учтенных погребений с иглами отсутствуют такие, где женский пол был бы определен антропологами.

Существовала ли прямая зависимость между увеличением возраста человека и вероятностью быть погребенным с иглой, применительно к *восточной территории* установить не удалось из-за недостаточного количества антропологических определений. Что касается *западной территории*, то здесь, как и в случае с шильями, такая зависимость, похоже, имела место. Среди погребений взрослых с возрастом до 40 лет иглы содержались в 0,5%, а среди погребений с возрастом 40 и более лет – в 1,5%.

Погребения с набором «шило + игла»

Комплексов, где были и шило, и игла, на *восточной территории* нами учтено 7. Все погребенные были взрослыми.

В 1 случае пол определен антропологом как мужской (40-45 лет), в другом – как женский (40-45 лет). Еще 1 захоронение было парным (женщина и ребенок). В публикации не указано, к какому костяку тяготели рассматриваемые предметы, но, поскольку в массиве нет ни одного захоронения ребенка с набором «шило + игла», велика вероятность того, что и в упомянутом парном погребении данные предметы сопровождали женщину, а не ребенка. Наши подсчеты показывают, что набор «шило + игла» присутствовал в 0,5% мужских и 0,7% женских захоронений. Таким образом, материалы восточной территории демонстрируют практику помещения рассматриваемого набора в захоронения лиц обоих полов, причем вероятность быть погребенными с этим набором была у мужчин и женщин достаточно близкой.

На *западной территории* все 9 умерших, погребенных с шильями и иглами, были взрослыми. Возраст одного из них – 40-45 лет.

Данные о поле имеются лишь в 1 случае (мужчина). Отсутствие достаточного количества определений пола и возраста, выраженного в годах, не позволяет применительно к западной территории делать какие-либо допущения относительно повышенной встречаемости набора «нож + шило» в какой-либо половой или возрастной группе.

Погребения с костяными проколками

Из 4 комплексов 1 являлся кенотафом. В 3 могилах были погребены взрослые, но данных относительно пола нет.

Погребения рассматриваемых групп демонстрируют разнообразные проявления погребальной обрядности (табл. 2; 3). Хотя наши выборки и не очень репрезентативны, некоторые наблюдения сделать все-таки можно.

Обрядовые проявления	Погребения с шильями	Погребения с иглами	Погребения с шильями и иглами	Погребения с костяными проколками
	21	14	7	1
Индивидуальный курган	23,8	--	14,3	100,0
Большая яма	42,9	50,0	42,9	100,0
Остатки мясной пищи в могиле	28,6	14,3	42,9	--
Жезл с навершием в виде топора	4,8	--	--	--
Жезл с навершием в виде булавы	9,5	--	--	--
Жезл-трость	4,8	--	14,3	--
Долото	4,8	--	--	--
Нож	9,5	--	14,3	--
Костяная пряжка	4,8	--	--	--
Набор украшений	28,6	35,7	--	--
1 категория украшений	9,5	21,4	14,3	--
Раковина	4,8	--	--	--
Копыто лошади	4,8	--	--	--
Костяная трубка	9,5	--	14,3	--
Кремень	4,8	--	14,3	--
Металлический сосуд	4,8	--	--	--
Бритва	4,8	--	--	--
Пест	4,8	--	--	--
Ступка	4,8	--	--	--
Астрагалы	4,8	--	--	--
«Фаллический предмет»	4,8	--	--	--
Изделие из коры	--	7,1	--	--
Парное погребение	4,8	14,3	14,3	--
Тройное погребение	9,5	--	--	--
Положение умершего на спине	4,8	--	--	--
Положение умершего на правом боку	4,8	--	--	--
Смещение тела к стенке ямы	23,8	14,3	28,6	--
Расчленение	--	14,3	--	--
Кремация	--	7,1	--	--
Кенотаф	4,8	7,1	--	--
«Покрывало» на умершем	4,8	--	28,6	--
Угли в могиле	9,5	14,3	--	--
Охра в могиле	14,3	--	28,6	--
Следы ритуалов вне могилы и в ее заполнении	33,3	28,6	14,3	--

Табл. 2. Частота встречаемости основных проявлений погребальной обрядности в массивах захоронений срубной культуры с шильями, иглами, сочетанием шила и иглы и костяными проколками (%). Восточная территория.

На *восточной территории* массивы погребений с шильями (далее – «массив Ш») и наборами «шило + игла» (далее – «массив Ш+И») обнаруживают между собой больше сходства, чем каждый из них с массивом погребений с иглами (далее – «массив И»). Это видно из следующего (см. табл. 2):

а) в массивах Ш и Ш+И высок удельный вес захоронений под индивидуальными курганами, а в массиве И таких погребений нам неизвестно;

б) в массивах Ш и Ш+И значительно выше процент комплексов с остатками мясной пищи;

в) в массивах Ш и Ш+И выявлены погребения с инсигниями власти (жезлами). В массиве И они отсутствуют. То же касается ножей, костяных трубок, кремней, охры;

г) в массивах Ш и Ш+И знак «смещение тела к стенке ямы» выражен значительно сильнее, чем в массиве И. Попутно стоит отметить, что в массиве Ш+И, где имелись 2

погребения с данным знаком, умершие в обоих случаях были смещены к стенке лицом, тогда как в массивах Ш и И чаще имело место смещение спиной к стенке (4 из 4 погребений массива Ш, 3 из 4 погребений массива И). Возможно, за этим что-то стоит, но данное наблюдение следует проверить;

д) в массиве И значительно выше, чем в двух остальных, удельный вес погребений с украшениями и наборами украшений (вероятно, из-за более высокого процента женщин);

е) лишь массив И демонстрирует такие знаки, как «расчленение» и «кремация».

Если мы к тому же вспомним, что на восточной территории массив И показывает значительно большую корреляцию с женским полом, чем два других массива, то вполне правомерным будет допущение о близости или тождественности социальных ролей лиц, погребавшихся с шильями и наборами «шило + игла», и о дистанцировании от этих ролей (роли?) людей, которых погребали с иглами. Данные по западной территории (табл. 3) столь рельефного расхождения между массивами Ш и Ш+И, с одной стороны, и массивом И, с другой, по рассмотренным проявлениям обрядности не демонстрируют. Что касается погребений с проколками, то недостаточная репрезентативность выборки не позволяет пока выяснить соотношение данного массива с остальными тремя.

Обрядовые проявления	Погребения с шильями 15	Погребения с иглами 14	Погребения с шильями и иглами 9	Погребения с костяными проколками 3
Индивидуальный курган, досыпка	33,3	50,0	55,6	33,3
Дополнительные элементы курганной архитектуры	6,7	28,6	11,1	33,3
Большая яма	40,0	28,6	44,4	33,3
Сложное могильное сооружение	26,7	28,6	77,8	--
Шкура коня на перекрытии	6,7	--	--	--
Остатки мясной пищи в могиле	26,7	14,3	22,2	66,6
Нож	20,0	--	--	--
Костяные «проколки»	--	7,1	11,1	--
Пряслице	6,7	--	--	33,3
Костяная пряжка	--	7,1	--	--
Набор украшений	6,7	21,4	--	--
1 категория украшений	20,0	--	11,1	--
Деревянная чаша	6,7	7,1	--	--
Кремень	--	7,1	--	--
Астрагалы	6,7	--	11,1	--
Изделие с бронзовой скобой	--	--	11,1	--
Парное погребение	--	--	11,1	--
Положение умершего на правом боку	--	--	22,2	--
Смещение тела к стенке ямы	--	14,3	--	33,3
Кенотаф	--	--	--	33,3
Обожжение тела	--	7,1	--	--
«Покрывало» на умершем	6,7	--	--	--
Угли в могиле	6,7	7,1	--	--
Охра в могиле	13,3	14,3	--	--
«Запечатка» щелей каменного ящика	6,7	7,1	11,1	--
Следы ритуалов вне могилы и в ее заполнении	26,7	--	66,7	--

Табл. 3. Частота встречаемости основных проявлений погребальной обрядности в массивах захоронений срубной культуры с шильями, иглами, сочетанием шила и иглы и костяными проколками (%). Западная территория.

Рассмотрим теперь анализируемые захоронения с точки зрения принадлежности погребенных к определенным социальным группам. При этом мы будем исходить из

концепции, согласно которой в срубном обществе существовала система статусов и рангов [Цимищанов 2004 а, с. 37-38].

Погребения с шильями

На *восточной территории* ни один из учтенных комплексов не содержал предметов вооружения. Отсюда видно, что лица, погребавшиеся с шильями, были дистанцированы от социальной группы воинов, игравшей важную роль в некоторых социумах востока (на территории Среднего и севера Нижнего Поволжья). Данный вывод подтверждают и наблюдения, сделанные при изучении топографии могильников, где присутствовали как погребения воинов, так и погребения с шильями.

В могильнике Новоселки, Татарстан [Иванов, Скарбовенко 1993] четко выделяются две группы курганов: а) относительно прямая цепочка из курганов 1-5, 7, вытянутая почти строго в широтном направлении;

б) изогнутая цепочка, включавшая курганы 6, 8-11, с хордой, ориентированной по линии север-запад – юго-восток.

Судя по обряду и, особенно, керамике, обе группы синхронны и необычайно близки в культурном плане.

Все захоронения социальной группы воинов (статус маркирован стрелами) выявлены в группе а): 1/5, 2/7, 3/2, 4/5. Погребение с шилом (6/1), напротив, было в группе б). Если верно допущение, что отмеченное деление могильника отражает бинарную структуру оставившего его социума (данная бинарность типична для доклассовых обществ), то следует признать, что воины и человек, погребенный с шилом, происходили из разных генеалогических групп.

В могильнике Новопавловка, Самарская обл. [Скарбовенко 1981] можно обнаружить ту же бинарность, но воплощенную иначе. Здесь курганы 1-3 образовывали прямую цепочку. К северу от нее размещалась дуговидная цепочка, включавшая курганы 4-6. Именно в последней выявлены захоронения с оружием: 4/1, 5/1. А захоронение с шилом (2/3), напротив, обнаружено в прямой цепочке.

В могильнике Натальино II [Памятники... 1993, табл. I, № 3] ситуация была близка, хотя и более сложна. Здесь четкого деления на две части визуально не наблюдалось. Однако, можно обратить внимание на следующее. Курган 4, где было срубное погребение с шилом, находился на значительном расстоянии от курганов 7, 8 и 11, в которых выявлены воинские погребения срубного времени, и от курганов 2, 10 и 14, где были предсрубные (раннепокровские) комплексы с оружием. Последние отнесены к предсрубному времени на основании присутствия в них кремневых стрел с усеченным основанием, которые срубниками Нижнего Поволжья уже не производились.

Курганы 5 и 6, где также выявлены срубные погребения с шильями, тоже были дистанцированы от курганов с воинскими погребениями и предсрубного, и срубного времени.

Стоит сказать и о могильнике Владимировка I, Самарская обл. [Кузьмина и др. 2003]. Здесь, наряду с курганом, где выявлено захоронение с шилом (4/1), был курган, где находилось воинское захоронение (1/1). Но данный курган, на наш взгляд, – более ранний, чем к. 4. Бронзовый топор, выявленный в захоронении 1/1 [Кузьмина и др. 2003, рис. 4, 11], по своим параметрам близок к топорам Турбинского могильника (разряд Т-2 [Черных, Кузьминых 1989, с. 125, 128]) и отличен от топоров Сеймы и срубной культуры (разряд Т-4 [Черных, Кузьминых 1989, с. 128]). Отсюда курган 1 следует датировать предсрубным временем. Таким образом, и применительно к данному могильнику нет оснований допускать, что лицо, погребенное с шилом, происходило из той же генеалогической группы, что и воин.

Отмеченной закономерности, на первый взгляд, противоречат материалы кургана 1 группы Мессер V, Саратовская обл. Здесь шило (авторы публикации, правда, без достаточных на то оснований считают его стрекалом) было в мужском погребении 1. Но в кургане выявлено и погребение 4 (подросток 9-10 лет), где находился фрагмент (острие) костяного наконечника стрелы. Он лежал у юго-западной стенки – в ногах погребенного

[Лопатин, Четвериков 2007, с. 24-25, 26-27]. Стоит, однако, учесть следующее. Если бы курган содержал погребения представителей воинской генеалогической группы, то оружие, скорее всего, находилось бы не в захоронении подростка, а в могиле взрослого, как это типично для курганов, где, наряду с воинским захоронением, были и погребения детей и/или подростков (см., например: Скарбовенко 1981, с. 15-16; Пятых 1983, с. 216-220; Миронов 1991, с. 52-63; Кузнецов, Мочалов 1999, с. 60-68). Кроме того, стрела была одна и – фрагментирована, а это не характерно для воинских погребений. Отсюда возможно допущение, что данный артефакт выступал не маркером принадлежности умершего к носителям военной функции, а являлся знаком каких-то иных его особенностей.

В 1 погребении обнаружен каменный сверленный топор [Агапов 1977], в 2 – булавы [Дворниченко, Кореняко 1989, с. 97-98; Малов 1991, с. 15-16]. Данные предметы маркировали носителей власти высшего и среднего уровней иерархии [Цимиданов 2004 а, с. 73-74]. Три упомянутые погребения в группе захоронений с шильями восточной территории составляют 14,3%. Для сравнения, в массиве из учтенных нами захоронений срубной культуры этой территории присутствуют 6 комплексов с топорами и 12 с булавами, что вместе составляет лишь 0,7%. Отсюда видно, что шилья демонстрируют повышенную корреляцию с захоронениями носителей власти. Добавим, что в еще 1 погребении с шилом находилась костяная втулка [Лопатин, Четвериков 2007, с. 26-27, рис. 3, 3]. Аналогичные изделия В.В. Отрощенко трактовал как детали жезлов – инсигний власти [Отрощенко 1993, с. 102], а мы – как знак властителей низшей ступени иерархии [Цимиданов 2004 а, с. 73]. Если данная атрибуция упомянутой втулки верна, то можно констатировать, что 19,0% лиц, погребенных с шильями, имела отношение к отправлению властной функции и, кроме того, эти люди могли занимать «посты» на всех ступенях иерархии власти. Но в большинстве своем от властной функции они были дистанцированы.

Одно из погребений с шильями (4,8% в сводке) содержало астрагалы [Памятники... 1993, табл. I, № 138]. Как мы полагаем, они маркировали причастность погребенного к ритуальной сфере [Цимиданов 2001, с. 222-228]. Еще в одном захоронении присутствовал пест [Отрощенко 2001, с. 161-162], что, по нашему мнению, также является знаком статуса служителя культа [Цимиданов 2004 а, с. 57].

В то же время, ни одно из учтенных захоронений с шильями восточной территории не содержало деревянной чаши и не являлось кремацией. А именно эти два знака являются важнейшими при выделении погребений служителей культа [Цимиданов 2004 а, с. 59-61, 75-77]. Нет в рассматриваемых захоронениях и сосудов с «календарями», «письменами» и «пиктограммами», которые, на наш взгляд, также маркируют служителей культа [Цимиданов 2001, с. 227; 2004 а, с. 51-52]. Итак, можно констатировать, что некоторая корреляция шильев со статусом служителя культа имела место, но она была намного слабее, чем корреляция со статусом властителя.

Большинство умерших (15 из 21, т.е. 71,4%) не были маркированы никакими из явных знаков трех названных выше статусов. Отсюда правомерен вывод, что лица, погребенные с шильями, являлись носителями особой социальной роли, которая была дистанцирована от роли воина, властителя и служителя культа. Вместе с тем, часть их могла «попутно» выполнять властные и ритуальные функции.

13 погребений с шильями (61,9%) демонстрировали знаки повышенного ранга – индивидуальный курган, размещение в центре подкурганной площадки (при наличии и других погребений под данной насыпью), большие размеры могильной ямы (2,0 и более кв. м), сложное могильное сооружение (в данном случае – со столбовой конструкцией), остатки мясной пищи в могиле в виде костей животных, бронзовый нож. Число ранговых знаков при этом составляло 1 (4 случая), 2 (6), 3 (2) и 4 (1 случай). Таким образом, большая часть лиц, погребавшихся с шильями, занимала довольно высокое положение в социумах восточной территории.

На *западной территории* в одном из погребений с шильями находилась деревянная чаша с металлическими накладками [Телегін та ін. 1984, с. 50-52]. Другой комплекс

[Цимиданов 2001, с. 228] демонстрировал сразу три знака данного статуса: присутствие астрагалов, сосуда с «календарем», «запечатку» могилы. И так, двое умерших (13,3% погребенных с шильями) выполняли при жизни ритуальные функции. Вместе с тем, ни одно из погребений западной территории не содержало инсигний власти. Отсюда можно констатировать, что на данной территории, в отличие от восточной, лица, погребавшиеся с шильями, были более причастны к ритуальной сфере, чем к управлению. Однако, 86,7% погребений с рассматриваемыми артефактами знаков статуса служителя культа не демонстрируют, что говорит о выраженной автономии маркируемой шильями роли.

В 1 захоронении выявлено пряслице, причем, – из человеческой кости [Прокофьев 2002, с. 119]. Данный предмет свидетельствует о том, что умерший при жизни занимался прядением [Цимиданов 2004 а, с. 82-88], и вместе с тем является (учитывая материал, из которого он изготовлен) ярким аргументом в пользу того, что прядение у срубного населения являлось сакральным [Цимиданов 1999; 2004 а, с. 82].

12 погребений (80,0%) демонстрировали знаки повышенного ранга. Среди знаков – индивидуальные курган или досыпка, большая яма (более 2,0 кв. м площадью), сложное могильное сооружение, кости животных и иные предметы и субстанции на перекрытии, в заполнении могилы или рядом с ней (на востоке этот знак, похоже, ранговым не являлся), следы ритуальных действий в отдалении от погребения, избыточное число сосудов (2 на данной территории, за исключением Среднего Подонья, где избыточным, вероятно, являлось присутствие в могиле 3 сосудов), нож, остатки мясной пищи, набор украшений (на востоке этот знак ранговым не являлся). Число ранговых знаков составляло 1 (3 случая), 2 (6), 3 (2), 4 (1). Один погребенный [Цимиданов 2001, с. 228] был лицом высшего ранга, что маркировалось связанной с ним соединительной досыпкой [Цимиданов 2004 а, с. 40]. Таким образом, на западной территории 86,7% лиц, погребенных с шильями, имели при жизни высший и повышенный ранг. Этот показатель значительно превосходит соответствующий по восточной территории. Вероятно, по мере продвижения носителей срубной культуры на запад группа лиц, которых погребали с шильями, еще более повысила свою социальную позицию, которая и на востоке являлась довольно высокой.

Погребения с иглами

На *восточной территории* иглы ни разу не выявлены в захоронениях с предметами вооружения. Вместе с тем, дважды они находились под одной насыпью с синхронным захоронением воина. Это имело место в кургане 1 могильника Новоселки [Иванов, Скарбовенко 1993, табл.] и в кургане 1 могильника Спиридоновка II [Кузнецов, Мочалов 1999, с. 60-62]. Отсюда возможно допущение, что иногда лица, погребавшиеся с иглами, принадлежали к воинским генеалогическим группам.

Одно погребение являлось кремацией [Скарбовенко 1981, с. 14]. К тому же в нем присутствовал сосуд с изображением «модели мироздания» [Отрощенко 1990, с. 14-15] («календарем»?). Сосуды с иррегулярным орнаментом присутствовали еще в 2 захоронениях [Кузнецов, Мочалов 1999, с. 61-62; Стоколос, Стоколос 2004, с. 246, 250-252]. Таким образом, 21,4% лиц, погребенных с иглами, при жизни имели отношение к отправлению ритуальной функции. Больше никаких статусных знаков группа не демонстрирует.

Удельный вес лиц повышенного ранга составлял в данной группе 57,1%, но в половине случаев (4 погребения) ранговый знак был лишь один. Следовательно, на востоке общности лица, погребавшиеся с иглами, имели при жизни несколько меньшие шансы повысить свой ранг, чем те, которых маркировало шило.

На *западной территории* лишь 1 из погребений с иглами демонстрирует знак статуса служителя культа – деревянную чашу [Черненко, Симоненко 1977, с. 33], что составляет 7,1% в массиве погребений с рассматриваемыми артефактами. Данный показатель ниже, чем соответствующий по восточной территории и чем показатель по группе захоронений с шильями западной территории.

Практически все захоронения с иглами западной территории (13 из 14, т.е. 92,9%) демонстрировали знаки повышенного ранга. Отсюда видно, что на данной территории лица, погребавшиеся с иглами, занимали более высокое положение, чем на востоке общности.

Погребения с набором «шило + игла»

На *восточной территории* ни одно из данных захоронений не являлось воинским. Но 1 из погребенных (14,3%), очевидно, принадлежал к воинской генеалогической группе. Об этом свидетельствует размещение погребения 8, в котором был рассматриваемый набор, под одной насыпью с воинским захоронением 5 в кургане 4 могильника Новоселки [Иванов, Скарбовенко 1993, табл.].

В 1 случае (14,3%) погребенный был носителем власти на нижней ступени властной иерархии, что маркировалось присутствием в составе погребального инвентаря жезла-трости [Колев, Мышкин 1999, с. 142-144]. В данном погребении был и сосуд с иррегулярным орнаментом. Еще в 1 погребении находился сосуд со «знаками» [Иванов, Скарбовенко 1993, рис. 13, 11]. Таким образом, двое погребенных (28,6%), вероятно, принимали участие в культовом служении. Данный показатель довольно высок, но подчеркнем, что ни одно из захоронений восточной территории с набором «шило + игла» не демонстрировало самых важных знаков статуса служителя культа – чаши и кремации.

5 из 7 погребенных (71,4%) имели повышенный ранг.

На *западной территории* в 1 из погребений выявлены астрагалы [Глебов 2004, с. 75-76], что составляет 11,1% в группе с рассматриваемым набором. В 1 погребении были костяные «проколки» [Берестнев 1990, с. 112]. Возможно, они являются остатками гребнеобразного орудия прядения.

Практически все погребения (88,9%) демонстрировали знаки повышенного ранга (причем, – 2 и более).

Знаки социальной позиции	Массивы погребений					
	Восточная территория			Западная территория		
	Ш	И	Ш+И	Ш	И	Ш+И
Размещение в одном кургане с воинским погребением	--	14,3	14,3	--	--	--
Жезлы в целом	19,0	--	14,3	--	--	--
Жезлы с навершием в виде топора или булавы	14,3	--	14,3	--	--	--
Знаки статуса служителя культа в целом	9,5	21,4	28,6	13,3	7,1	11,1
Чаша или кремация	--	7,1	--	6,7	7,1	--
Сосуд с иррегулярным орнаментом	--	21,4	28,6	6,7	--	--
Знаки повышенного и высшего ранга в целом	61,9	57,1	71,4	86,7	92,9	88,9
2 и более знаков повышенного ранга	42,9	28,6	42,9	60,0	57,1	88,9

Табл. 4. Частота встречаемости некоторых знаков социальных позиций в массивах захоронений срубной культуры с шильями, иглами и сочетанием шила и иглы (%).

В таблице 4 приведена обобщенная информация о частоте встречаемости некоторых знаков социальных позиций в рассмотренных массивах захоронений. Сравнение данных по разным массивам позволяет сделать наблюдения, которые, несомненно, следует проверять на более репрезентативных выборках:

1. На восточной территории лица, погребавшиеся с шильями, не происходили из воинских генеалогических групп. Для лиц, которых маркировали иглы и наборы «шило + игла», это было возможно (что касается западной территории, то здесь в структуре общества социальной группы воинов не было вообще);

2. С инсигниями власти на восточной территории коррелировались шило и (в меньшей степени) – набор «шило + игла», но не игла сама по себе. При этом лица, погребавшиеся с шильями, могли занимать более высокие «посты» в иерархии власти, чем лица, маркированные набором из шила и иглы. На западной территории все три рассматриваемые группы лиц были от властной функции дистанцированы;

3. Представители всех трех групп имели отношение к отправлению ритуальной функции, причем на востоке общности – несколько больше, чем на западе. На восточной территории более всего занимались культовым служением люди, маркировавшиеся набором «шило + игла» и менее всего – те, чьим знаком было шило. На западной территории менее всего имели отношение к данной функции лица, погребавшиеся с иглами. В целом же, большинство представителей рассматриваемых групп на обеих территориях были от ритуальной функции дистанцированы;

4. Во всех рассмотренных группах очень высок удельный вес людей повышенного ранга, причем, на западе положение лиц всех трех групп было более высоким, чем на востоке.

Погребения с костяными проколками

Учитывая, что данных захоронений учтено мало, рассмотрим их суммарно, без разбивки по территориям. Ни один из комплексов не демонстрировал знаков статуса воина, властителя или служителя культа, что, впрочем, может быть обусловлено лишь недостаточной репрезентативностью выборки.

Интересным моментом является присутствие в 1 захоронении пряслица [Ляшко и др. 2004, с. 69-70]. Напомним, что пряслице было и в 1 погребении с шилом. Вероятно, перед нами – не просто случайное сочетание предмета для прокалывания и предмета для прядения, но – устойчивый «текст» с определенной семантикой. Отметим, что этот «текст» можно встретить и в культурах предсрубного времени, в частности – доно-волжской абашевской [Акимова 2006, с. 97] и покровской [Памятники... 1993, табл. I, № 17].

Данный «текст», правда, сильно осложненный дополнительными знаками, демонстрируют и культовые комплексы поселений срубной культуры. Приведем некоторые примеры.

В т.н. «культовом месте № 1» поселения Богуслав, Днепропетровская обл. выявлены, наряду с прочими артефактами, костяные и глиняные пряслица, костяные проколки, бронзовое шило [Ромашко 1993, с. 87].

На поселении Усово Озеро, Донецкая обл. в жилище 2 – в очаге и рядом с ним было обнаружено скопление разнообразных предметов, среди которых находились кремневая проколка и фрагмент керамического пряслица [Березанская 1990, с. 20].

На поселении Набережное I, Башкортостан в т.н. «хозяйственной яме» одного из жилищ, помимо других находок, были 2 глиняных пряслица (в публикации – «маховички») и фрагмент костяной проколки [Горбунов 1989, с. 66].

Стоит отметить, что, в отличие от «текстов» «шило + пряслице» и «костяная проколка + пряслице», текст «игла + пряслице» в захоронениях срубной культуры нам неизвестен. Однако, в культовых комплексах поселений два этих предмета могли попадать в один контекст. Например, в зольнике, заполнявшем котлован жилища на поселении Сухая Мечетка IV, Волгоградская обл. присутствовали, наряду с прочими предметами, в т.ч. явно культового характера, бронзовая игла и серия глиняных пряслиц [Мыськов, Лапшин 2007, с. 25-27].

Возвращаясь к погребениям с костяными проколками, отметим, что все они демонстрировали знаки повышенного ранга (от 1 до 6). Даже захоронение из жилища, не включенное в сводку, сопровождалось 2 сосудами, что для подобных культовых комплексов не характерно. Но в погребениях из курганов этой территории 2 сосуда маркировали повышенный ранг.

Имеет смысл остановиться еще на одном моменте. Р.А. Литвиненко в свое время обратил внимание на корреляцию игл и шильев с керамикой «в виде кубков и кубковидных сосудов с элементами федоровского и черкаскульского декора или их реминисценциями», а также – с положением погребенных на правом боку [Литвиненко, Косиков 1994, с. 121]. Материалы нашей сводки частично подтверждают эти наблюдения. Так, в массиве И западной территории 4 (28,6%) погребения содержали упомянутые сосуды [Ковалева и др. 1981, с. 20-21; Литвиненко, Косиков 1994, с. 116; Беспалый, Беспалый 2002, с. 60; Колев, Седова 2004, рис. 3, 9, 10]. Из данных погребений 2 являлись разрушенными, а потому судить о положении костяка невозможно. Но в 2 оставшихся случаях умершие лежали на

правом боку. Таким образом, в массиве И, действительно, удельный вес захоронений с положением погребенных на правом боку необычайно высок – не менее 50%. Для сравнения, по нашим подсчетам, в общем массиве срубных захоронений западной территории «правобочные» составляют около 9,4%.

В массиве Ш+И западной территории лишь 1 захоронение (11,1%) содержало сосуд с элементами федоровского декора (погребенный лежал на левом боку) [Ковальова, Волкобой 1976, с. 6]. Вместе с тем, рассматриваемой керамики не было в захоронениях массивов Ш, И и Ш+И восточной территории, хотя там она в других погребениях известна [Колев, Седова 2004, с. 214]. Не выявлено ее и в массиве Ш западной территории. В учтенных погребениях с костяными проколками она так же отсутствовала.

Поскольку «федоровской» керамики нет в массиве Ш западной территории, но она хорошо представлена в массиве И, правомерно допустить, что в упомянутом выше захоронении с набором «шило + игла» присутствие подобного сосуда было predetermined именно наличием иглы, т.е. данная керамика коррелируется не с шильями, а с иглами.

Итак, прослеживается не вполне понятная связь (генеалогическая?) лиц, живших на западной территории и погребавшихся с иглами, с населением восточных культур.

Значительный удельный вес «восточной» керамики в массиве И западной территории при ее полном отсутствии в массиве Ш и минимальном в массиве Ш+И данной территории свидетельствует, помимо прочего, и о том, что группа лиц, которых маркировали иглы, на западной территории была дистанцирована от групп, представителей которых погребали с шильями и наборами из шила и иглы. По крайней мере, это имело место в позднерубное время, когда получила распространение рассматриваемая керамика. Напомним, что и на восточной территории общности фиксируется дистанцирование группы И от других анализируемых.

Рассмотрим теперь погребения более позднего времени. С XII в. до н.э. в степях Восточной Европы к западу от р. Молочная существовала **белозерская культура**, связанная своим происхождением в большей степени с западными культурами (прежде всего, Ноуа) [Ванчугов, 1990 с. 123-133; Агульников 2004], чем со срубной и сабатиновской. Погребальные комплексы белозерской культуры изредка содержали рассматриваемые в нашей статье изделия. Например, **бронзовые шилья** выявлены в курганном могильнике Кочковатое (к. 32, п. 1), Одесская обл. [Ванчугов и др. 1992, с. 29-31] и грунтовом могильнике Чернянка (п. 12), Херсонская обл. [Кубышев, Черняков 1986, рис. 3, 2]. **Костяные проколки** были в захоронениях из Первомаевки I, 6/2, Херсонская обл. [Евдокимов 1987, с. 115-116] и Чернянки, п. 14 [Кубышев, Черняков 1986, рис. 3, 4]. В погребении из Первомаевки I, 6/1 присутствовали **костяные игла и проколка** [Евдокимов 1987, с. 113]. Перечисленные комплексы составляют 0,8% в массиве из 627 учтенных нами погребений белозерской культуры. Данный показатель очень близок к соответствующему по срубной культуре.

Из лиц, погребенных с шильями, все были взрослыми (в том числе – женщина), проколки обнаружены в парном погребении женщины и ребенка возрастом до 2 лет, а игла в сочетании с проколкой – в могиле ребенка 5-6 лет. Добавим, что во всех 5 захоронениях были украшения – бусы, височные подвески, костяные пронизи, просверленные раковины.

Сводка учтенных нами белозерских погребений с рассматриваемыми предметами слишком мала, чтобы делать какие-либо заключения. Но стоит, по крайней мере, обратить внимание на то, что все они рядовые по меркам белозерской культуры (см.: Ванчугов 1990, с. 56). Отсюда возможно допущение, что представители белозерского общества, погребавшиеся с шильями, иглами и проколками, не относились к социальной верхушке. Не исключено так же, учитывая присутствие в рассмотренных погребениях украшений, что перечисленные предметы попадали в могилы почти исключительно лиц женского пола, но это предположение нуждается в проверке на более репрезентативной выборке. Добавим, что костяные проколки, иглы и шилья выявлены также в погребениях могильника белозерской культуры Брилевка, Херсонская обл. [Евдокимов 1999, с. 103]. Полной публикации материалов памятника до сих пор нет, а потому проанализировать данные захоронения мы не смогли. Тем не менее, из

текста посвященной могильнику заметки можно извлечь информацию, представляющую интерес для нашего исследования: рассматриваемые изделия выявлены не в захоронениях из курганов – наиболее неординарных в могильнике, а в грунтовых погребениях, где были похоронены лица с менее высоким социальным положением.

Итак, захоронения белозерской культуры демонстрируют несколько иную картину, чем срубные. Отсюда видно, что представления, связанные с рассматриваемыми предметами, не были идентичными в разных социумах. Есть, впрочем, и общее. В комплексе из Кочковатого, 32/1 мы видим уже знакомый «текст» – «шило + пряслице».

В погребениях **белозерского времени, выявленных к востоку от р. Молочная** – за пределами ареала белозерской культуры, также обнаружены шилья и иглы. В данной работе не стоит затрагивать дискуссионную проблему культурной атрибуции данных памятников. Отметим лишь то, что они относятся к культурной группе (группам?), генетически связанной с позднесрубным миром [Шарафутдинова 1991, с. 191-192; Горбов 1995, с. 62-63; Ромашко 1996, с. 69; Потапов 2005, с. 142]³.

Бронзовые шилья выявлены в 3 комплексах: Салок I, п. 42, Ростовская обл. [Потапов 2007, с. 269-273; Алейников 2008, с. 5-103], Октябрьский I, 1/1, Ростовская обл. [Прокофьев 2004, с. 298], Красногвардейское, п. 6, Ставропольский край [Березин, Калмыков 1998, с. 59-60].

Еще в 2 погребениях присутствовали **бронзовые иглы**: Холодный IV, 2/4, Ростовская обл. [Лукашюк 1999, с. 95; Потапов 2005, рис. 2, 4-8], Кировский I, 3/6, Ростовская обл. [Потапов 2005, рис. 4, 9-11].

Стоит обратить внимание на следующее. В.В. Потапов разделил захоронения белозерского времени Нижнего Подонья и Предкавказья на две обрядовые группы. Для I характерна ориентировка погребенных в восточный (реже – северный) сектор. Захоронения II группы имеют южную и иногда западную ориентировки [Потапов 2005, с. 142, 144]. Все известные нам погребения с шильями относятся к I группе, где они составляют, по нашим подсчетам, около 7,1% (здесь и ниже в подсчетах использованы захоронения белозерского времени не только Нижнего Дона и Предкавказья, но также – Донбасса, Северо-Восточного Приазовья, Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья). Из погребений с иглами одно относится к I группе (2,4% в ней), а другое – ко II (6,7%). Приведенные показатели очень приблизительны, ибо сводка погребений финальной бронзы территории к востоку от ареала белозерской культуры недостаточно репрезентативна. Но они, по крайней мере, позволяют констатировать, что традиция помещения в захоронения шильев и игл в рассматриваемое время продолжала сохраняться, причем, похоже, удельный вес данных погребений в массиве однокультурных сильно вырос по сравнению с массивами раннесрубных и позднесрубных погребальных комплексов.

Все 5 погребенных были взрослыми, в т.ч. – 1 женщина 30-40 лет. Четыре комплекса из пяти содержали украшения, причем три – две и более их категорий. Отсюда возможно предположение, что все или почти все умершие, погребенные с шильями и иглами, являлись женщинами.

Из других категорий погребального инвентаря данных захоронений заслуживают упоминания пряслица, выявленные в 2 комплексах (Октябрьский I, 1/1; Холодный IV, 2/4), причем одно пряслице было изготовлено, вероятно, из головки бедренной кости человека [Прокофьев 2004, с. 298]. В рассматриваемых погребениях обнаружены также 2 куска мела со следами обточки (Салок I, п. 42), бронзовый нож, кремневый отщеп и кусочек серы (Красногвардейское, п. 6).

В массиве погребений белозерского времени, выявленных к востоку от р. Молочная, нам пока не известны комплексы с набором «шило + игла». Тем не менее, группа погребений с шильями и группа погребений с иглами близки по двум параметрам:

³ В диссертации В.В. Потапова предложено выделить отрадненскую культуру, к которой автор отнес серию погребений белозерского времени Нижнего Подонья и Предкавказья [Потапов 2010, с. 17]. Правда, из текста автореферата не вполне ясно, включены ли В.В. Потаповым в состав памятников данной культуры синхронные захоронения Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Поволжья.

- а) в них среди прочего погребального инвентаря преобладают украшения;
- б) в обеих группах присутствуют пряслица.

Отмеченное позволяет предположить, что в рассматриваемой культурной группе шилья и игла были семантически связаны. Судить о том, какое место в обществе занимали погребенные с ними люди, мы не беремся, ибо, во-первых, сводка слишком мала, и, во-вторых, методика социологической интерпретации «небелозерских» погребений белозерского времени пока не разработана.

Еще 2 комплекса с рассматриваемыми предметами, датируемые белозерским временем, происходят с территории Днепропетровской области. Это – погребение с бронзовой иглой из Соколово II, 2/1 [Ромашко 1995, с. 51-52] и погребение с железным шилом из Песчанки, 1/5 [Ромашко 1984, с. 106-107]. Автор публикаций отнес первое из них к белогрудовской культуре [Ромашко 1995, с. 51], а второе – к чернолесской [Ромашко 1984, с. 108].

Интересующие нас артефакты выявлены и в погребениях **черногородской культуры**. Сразу уточним, что мы, вслед за О.Р. Дубовской [1997], относим к данной культуре (ее позднему этапу) захоронения предскифского времени с вытянутым на спине положением умерших.

Бронзовые шилья присутствовали в черногородских погребениях из Соленого, 2/3, Ростовская обл. [Лукьяшко 1999, с. 94], Фрунзе I, 5/1, Ростовская обл. [Лукьяшко 1997, с. 127] и Черноземного, 2/13, Крым [Махортых 2005, с. 365]. В первых двух умершие были взрослыми (в т.ч. женщина). Их скорченное положение на боку позволяет датировать данные захоронения раннечерногородским временем. В массиве раннечерногородских захоронений они составляют, примерно, 1,1%. Третий погребенный являлся ребенком. Этот комплекс, по мнению О.Р. Дубовской, относится к позднечерногородским [Дубовская 1997, с. 197]. В сводке из 150 учтенных исследовательницей позднечерногородских захоронений [Дубовская 1997, с. 189] он составляет 0,7%.

Погребений с **бронзовыми иглами** черногородского времени нам известно значительно больше. Из них 6 являются раннечерногородскими. Это – захоронения из Павловки, 2/3, Николаевская обл. [Махортых 2005, с. 349-350; Гребенников 2008, с. 23, рис. 4, 8], Колосков, 12/7, Крым [Махортых 2005, с. 349], Красногородки I, 22/11, Ростовская обл. [Потапов 1999, с. 62-63], Рясней, 1/2; 1/8, Ростовская обл. [Гордин, Потапов 1991, с. 36-38; Лукьяшко 1999, с. 66-67], Кривой Луки IX, 2/16, Астраханская обл. [Дворниченко 1981, с. 59]. Среди однокультурных комплексов данного времени они составляют, по нашим подсчетам, около 3,3%. Все умершие являлись взрослыми. В одном случае определен пол. Он был женским. Данное погребение (Колоски, 12/7) содержало, помимо иглы, пряслице. Пряслица выявлены еще в двух комплексах (Рясни, 1/2; 1/8). Итак, в очень небольшой сводке из 6 захоронений «текст» «игла + пряслице» встречен трижды, что довольно показательно. Другие предметы из рассматриваемых погребений – керамические сосуды (5 комплексов), бронзовые ножи (2 комплекса), деревянный сосуд с бронзовыми накладками (1), бронзовые накладка (возможно, – тоже от деревянного сосуда) (1), бляшка (1), височная подвеска (1), «очелье» (1), меловой цилиндр, галька (1). Стоит отметить и присутствие во всех комплексах костей животных.

Еще 2 захоронения с бронзовыми иглами, вероятно, относятся к позднечерногородским. Одно из них – погребение 4 кургана 8 могильника Плоский I, Ростовская обл. [Копылов 1990, с. 56-57]. Датируя его данным временем, мы опираемся на разработки О.Р. Дубовской [1997, с. 197]. Второе – погребение 2 кургана 2 могильника Мессер V, Саратовская обл. [Лопатин, Четвериков 2007, с. 29]. Авторы публикации отнесли его к срубной культуре, исходя из предположения, что оно должно быть синхронным основному срубному захоронению. Следует, однако, учесть следующее:

- а) стратиграфического подтверждения синхронности двух погребений нет;
- б) вытянутое на спине положение погребенных в срубной культуре изредка встречается, но все-таки данная поза более характерна для захоронений эпохи раннего железа;

в) погребенный из Мессера V лежал с завалом на левый бок, что находит параллели в предскифских и предсавроматских памятниках (см., например: Смирнов 1964, рис. 3, 1; Дворниченко, Кореняко 1989, табл. 60, 13, 14, 17; Дубовская 1997, рис. 2, 4, 5, 18);

г) плотно сведенные голени погребенного из Мессера V так же находят аналогии в предскифских и предсавроматских захоронениях (см., например: Дворниченко, Кореняко 1987, табл. 60, 15, 17; Дубовская 1997, рис. 3, 10);

д) хотя для позднечерногородских захоронений более типичны западная и юго-западная ориентировки, изредка в данном массиве встречается и северо-восточная [Дубовская 1997, рис. 4, 24], присущая погребению из Мессера V.

На основании сказанного мы и склонны относить рассматриваемое захоронение к позднечерногородскому времени.

В обоих позднечерногородских погребениях с иглами пол умерших был женским. В комплексе из Плоского I присутствовали, помимо иглы, сосуд и кости животных, а в погребении из Мессера V игла не дополнялась ничем. Как видим, поздние черногородские захоронения с иглами выглядят намного «скромнее», чем ранние. Два упомянутых погребения с иглами составляют, по нашим подсчетам, около 1,1% среди позднечерногородских.

В погребении 2 кургана 1 из Черногородки, Донецкая обл. выявлен набор из **иглы и шила**, сопровождавший женщину. Другой инвентарь представлен 2 сосудами [Тереножкин 1976, с. 67]. Судя по скорченному на боку положению костяка в данном погребении, комплекс следует относить к раннечерногородским. В то же время, он перекрывал черногородское захоронение с уздечным набором [Граков 1977, рис. 88], т.е. в рамках раннего этапа черногородской культуры погребение 2 занимает относительно высокую позицию.

В погребении из Быково I, 4/13, Волгоградская обл. обнаружена **костяная проколка**. Другие вещи, как и кости животных, там отсутствовали [Смирнов 1964, рис. 3, 1]. Положение умершего (взрослого) на спине и его северо-западная ориентировка позволяют отнести комплекс к позднечерногородским.

Наконец, упомянем раннечерногородское захоронение с **кремневой проколкой** из Головки V, 6/3, Кировоградская обл. [Полин и др. 1994, с. 2-3]. Умерший являлся взрослым и, судя по присутствию в могиле оселка с отверстием и бронзовой стрелы, – мужчиной. Правда, здесь есть один нюанс. Проколка [Полин и др. 1994, рис. 4, 5] сделана из пластины, сколотой с призматического нуклеуса. Пластинчатая техника исчезла с окончанием энеолита. Таким образом, мы имеем дело с вторичным использованием орудия значительно более раннего времени, чем сам погребальный комплекс (любезная информация С.М. Дегерменджи). В нашем случае невозможно установить, функционировало ли рассматриваемое орудие в черногородское время как проколка, или перед нами – предмет из серии «громовых стрел» – кремней, которые использовались не в соответствии со своей первоначальной функцией, а как атрибуты ритуалов.

Суммируя данные о погребениях черногородского времени с шильями, иглами и проколками, обратим внимание на следующее:

1. Практически все погребенные были взрослыми;
2. Среди них встречаются и мужчины, и женщины;
3. Рассматриваемые изделия практически не коррелируются с оружием (или – вовсе не коррелируются, если артефакт из Головки не использовался в соответствии со своим первоначальным назначением) и совсем не коррелируются с конской упряжью;
4. Лица, погребавшиеся с иглами, занимали в раннечерногородском обществе высокое положение, судя по тому, что все данные захоронения из нашей сводки содержали остатки мясной пищи. Для сравнения, в суммарно взятом массиве раннечерногородских комплексов кости животных присутствовали в 55% погребений [Отрощенко 1989, с. 112];
5. Раннечерногородские погребения с иглами демонстрируют существенные отличия от комплексов с шильями и проколками. Только в комплексах с иглами присутствовали пряслица и ножи. Последние выявлены в 33,3% раннечерногородских захоронениях с иглами

(без учета погребения из Черногоровки). Для сравнения, соответствующий показатель по всему раннечерногоровскому массиву составляет 21% [Отрощенко 1989, с. 112]. Только в группе комплексов с иглами присутствовала деревянная чаша с бронзовыми накладками (возможно, даже две). Подобные сосуды использовались носителями срубной культуры в ритуальной сфере [Цимиданов 2004 а, с. 75-76]. Не исключено, что эта их функция сохранилась и в черногоровское время. Такая гипотеза уже высказывалась [Дудин 2009, с. 34-37].

Весь инвентарь в раннечерногоровских погребениях с шильями и проколками вполне утилитарен. Напротив, в захоронениях с иглами выявлены предметы, которые, возможно, утилитарными не являлись. Это – меловой цилиндр (Рясни, 1/8) и галька (Колоски, 12/7). Судя по этнографическим данным, гальки могли использоваться в культовой практике, в т.ч. – для вызывания дождя [Короглы 1976, с. 88-89]. Показательно в данной связи то, что гальки встречаются в захоронениях савроматских и сарматских «жрецов» и «жриц» (см., например: Очир-Горяева 1987, с. 47; Банников 2004, с. 22; Лазарь 2004, с. 67; Яценко 2007, с. 61]).

Учитывая отмеченное, можно применительно к раннему этапу черногоровской культуры допускать принадлежность лиц, погребавшихся с иглами, к одной из групп служителей культа. Выше показано, что и в срубной культуре имело место дистанцирование людей, в могилы которых клались иглы, от тех, в погребения которых попадали шилья, наборы «шило + игла» и проколки. Погребения белозерской культуры и комплексы белозерского времени, выявленные к востоку от ее ареала, данного явления не фиксируют, как и связи людей, маркированных иглами, с отправлением ритуальной функции. Но в уже упоминавшемся захоронении из Соколово II, 2/1, выявленном к северу от белозерского ареала, присутствовал довольно «странный» набор, включавший, кроме иглы, абразив, пряслице, кремневый серп и конус из желтой краски [Ромашко 1995, с. 51-52]. Факт сочетания в составе данного «текста» артефактов, функционально очень далеких один от другого, позволяет предполагать, что перечисленные предметы были связаны с культовой практикой, т.е. являлись вещами, прагматика которых при попадании в контекст ритуала оказалась нарушенной.

Итак, в среде раннечерногоровского населения, вероятно, существовала обособленная социальная группа, включавшая лиц, занятых культовой практикой. Одним из их атрибутов являлась игла, причем входившие в группу люди занимали довольно высокую позицию в обществе. Изменилось ли положение упомянутой группы в позднечерногоровское время, трудно сказать в силу недостаточной репрезентативности выборки соответствующих погребений.

Захоронения черногоровского времени с шильями и проколками, за одним исключением (Фрунзе I, 5/1), довольно ординарны. Отсюда возможен вывод, что семиотический статус данных орудий сильно упал по сравнению со срубным временем. Но в белозерский период на территории к востоку от р. Молочная и в Днепровском левобережном предстепье он все еще был высок, судя по учтенным захоронениям, хотя, похоже, шило в контексте погребального обряда с течением времени все больше становилось женским знаком.

Таким образом, традиция помещения в могилы шильев, игл и костяных проколов была присуща ряду степных культурам эпохи поздней бронзы и раннего железа. Вместе с тем, вероятно, семантика интересующих нас вещей могла в разных культурах иметь свои оттенки. Применительно к срубной культуре мы склонны продолжать поддерживать гипотезу о шильях и иглах как маркерах принадлежности погребенных к мастерам, занимавшимся шитьем. Весьма интересен в данной связи курган 10 могильника Петромихайловка II, Запорожская обл. Здесь было срубное п. 10, содержавшее костяную проколку и каменное пряслице [Ляшко и др. 2004, с. 70]. Позже в данный курган впустили срубное п. 9, содержавшее 24 «проколки» [Ляшко и др. 2004, с. 70], которые, скорее всего, являлись остатками орудия (или нескольких орудий) для прядения. Наконец, еще позже в кургане было совершено срубное п. 4 с костяным предметом [Ляшко и др. 2004, с. 68], который типологически может быть отнесен к орудиям кожевенного производства. Рассмотренный случай присутствия в одном кургане сразу трех захоронений с орудиями (причем, связанными с разными операциями) уникален. Очевидно, мы имеем дело со своеобразным «курганом мастеров».

Шилья, иглы и проколки для носителей рассмотренных культур являлись не просто орудиями труда. В некоторых ситуациях (во время обрядов) они выступали как предметы с определенной символикой. Выше мы приводили примеры присутствия рассматриваемых артефактов в культовых комплексах поселений срубной культуры. Добавим, что таких находок намного больше (см., например: Привалова, Привалов 1987, с. 97; Горбунов 1989, с. 65, 79; Березанская 1990, с. 31; Ледяйкин, Семькин 1991, с. 118; Горбов, Мимоход 1999; с. 28, 29; Обыденнов и др. 2001, с.23; Потапов 2002, с. 79; Горбов 2006, с. 14; Санжаров, Леоненко 2006, с. 219). Анализируя подобные комплексы, можно обратить внимание на то, что из трех интересующих нас категорий вещей в них чаще всего встречаются костяные проколки. Не исключено, что они в этих контекстах были семантически равнозначны бронзовым шильям и замещали их как более дешевые и доступные в материальном плане.

Стоит отметить, что в культовых комплексах поселений сабатиновской и белозерской культур (во всяком случае, известных нам) ни шилья, ни иглы, ни костяные проколки не встречаются. Отсюда возможно допущение, что из степных культур эпохи поздней бронзы именно в срубной манипуляции с рассматриваемыми предметами получили наибольшее распространение. Высокая знаковая нагрузка шильев и игл, вероятно, определялась следующими моментами, выделить которые позволяют данные фольклора и этнографии⁴:

1. *Шило ассоциировалось с представлениями о солнце и плодородии.* Об этом красноречиво свидетельствует то, что оно являлось атрибутом индоарийского бога солнца и плодородия Пушана [Топоров 1991, с. 456]. Связь шила с плодородием довольно ярко отразилась в танце «швець», который на Западной Украине парни исполняли во время свадеб. Они имитировали действия сапожника: прокалывание кожи шилом, вытягивание дратвы и т.п. [Чабан 1970, с. 142]. Ассоциацию с плодородием *иглы* можно увидеть в одном украинском знахарском заклятье, связанном с любовной магией. Здесь фигурируют три сестры-звезды, среди атрибутов которых названы иглы [Вовк 1995, с. 187]. Добавим, что во время украинских свадеб производилось пришивание к облачению их участников различных предметов – красных лент, венков и т.п. По ходу данных операций пелись песни, в которых упоминались «швачка зі Львова», «голка», «ниточка шовкова» («портниха из Львова», «иголка», «шелковая ниточка») [Дей 1972, с. 92, 95]. Вероятно, представления этого же круга нашли отражение в одной из русских сказок. В ней заговорные портные и сапожники уколом шила и иглы создают воинов [Народные русские сказки 1982, с. 118];

2. *Шило и «мотовило» – предмет для разматывания пряжи* (возникает ассоциация с пряслицем!) *связывались с громом и, вместе с тем, – богом-громовиком*, что видно из старинной русской загадки: «Шило-мотовило под небеса подходило, по ниточке говорило». Ее разгадка была двояка: гром и змей [Афанасьев 1995, с. 263];

3. Вероятно, в древности существовали представления и о том, что *манипуляции, производимые иглой, способствуют упорядочиванию мира.* Отголоски данных представлений можно найти в средневековой персидской обрядности. По средам правители Персии, среди прочих важных дел (контроль за выпуском монет, покупкой и продажей товаров, отправка лазутчиков к врагам и т.п.), «наблюдали за вышиванием», причем считалось, что этот порядок установил легендарный Джамшид [Рейснер, Чалисова 2002, с. 292];

4. *Шило мыслилось как предмет, который может помочь в ходе перемещения из одного мира в другой.* Это ярко отразила, в частности, одна из молдавских сказок. Ее герой с помощью шила взбирается на стеклянную гору [Молдавские сказки 1968, с. 193]. Здесь упомянутое орудие – вовсе не аналог альпинистских приспособлений. Стеклянная гора – метафора потустороннего мира [Пропп 1986, с. 282];

5. *Будучи острыми предметами, шилья и иглы считались способными отвращать злые силы.* Так, в сказках иранских народов Памира говорится о том, что шилом и иглой можно

⁴ Наиболее ценными в данном случае, естественно, являются параллели из традиций иранских народов, учитывая ираноязычность носителей срубной культуры и генетически связанного с ними населения отранненской (в нашем понимании – финальной срубной) и черноголовской культур.

убить дракона [Сказки народов... 1976, с. 48, 264]. По представлениям таджиков, игла, воткнутая в одежду демона, делает его покорным [Басилов 1991 б, с. 166]. Аналогичное убеждение зафиксировано и у турков [Басилов 1991 а, с. 29]. В одной из русских сказок кузнец спасается от Лиха Одноглазого, ослепив его раскаленным шилом [Афанасьев 1995, с. 353]. Украинцы, чтобы обезопасить во время свадьбы молодых от сглаза, втыкали им в одежду на спине 2 иголки крест-накрест [Здоровета 1974, с. 110]. У славянских народов был магический обряд, в ходе которого на иглы лили кипяток. Считалось, что это изгоняет ночные демонические существа [Голстая 1991, с. 404];

6. Распространенными являлись (и являются до сих пор) представления, по которым *с помощью иглы можно влиять на человека*. В частности, согласно сказкам осетин, можно, используя этот предмет, повергать его в сон и, напротив, пробуждать [Осетинские народные сказки 1973, с. 385]. На Русском Севере считали, что если женщина вколет в подол рубашки иголку с ниткой из покрывала мертвеца, насильники будут ей не страшны: они станут импотентами [Собрание... 1983, с. 102]. А один из авторов данной статьи (В.В. Цимиданов) однажды в электричке слышал похвальбу современной «колдуньи», которая якобы исцелила больную девушку, найдя в ее постели и вынув оттуда иглу, воткнутую кем-то, желавшим «навести порчу»;

7. *Защитная сила иглы* отражена в фольклорных сюжетах, где герой, чтобы избежать беды, превращается в этот предмет. Данные сюжеты присутствуют, в частности, в сказках белуджей [Сказки, басни... 1989, с. 12] и народов Памира [Сказки народов... 1976, с. 156];

8. Согласно верованиям ряда народов, *шило способно сигнализировать о беде*. Так, осетинская сказка повествует о том, что юноша, отправляясь в поход, оставляет своей сестре шило. Если при втыкании его в ладонь из ранки течет молоко, то все нормально, а если – кровь, значит он попал в беду [Осетинские народные сказки 1973, с. 211].

Подводя итог, отметим, что погребальные комплексы с шильями, иглами и костяными проколами срубной и других рассмотренных культур, несомненно, заслуживают дальнейшего анализа с привлечением более обширных сводок. Но уже сейчас прослеживаются связи рассматриваемых артефактов с определенными поло-возрастными и социальными группами. Их наличие свидетельствует о важной роли перечисленных вещей в культовой практике населения юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени. Вместе с тем, выявленный благодаря анализу погребений и поселенческих культовых комплексов срубной культуры высокий семиотический статус шильев, игл и костяных проколов говорит о том, что многие связанные с данными вещами представления, зафиксированные этнографами и фольклористами у народов нового и новейшего времени, восходят, по крайней мере, к эпохе поздней бронзы.

В.А. Підобід, В.В. Циміданов

ПОХОВАННЯ ІЗ ШИЛАМИ ТА ГОЛКАМИ У КУЛЬТУРАХ СХІДНОЇ ЄВРОПИ ДОБИ ПІЗНЬОЇ БРОНЗИ ТА ПЕРЕДСКІФСЬКОГО ЧАСУ (СТЕП ТА ЛІСОСТЕП)

Серед комплексів зрубної культурно-історичної спільноти чимало поховань, котрі містять бронзові шила та голки. Автори аналізують 36 поховань із шилами, 16 поховань із голками, 16 поховань із сполученням «шило + голка» та 4 поховання із кістяними проколами. Відтак було зроблено низку спостережень, головними із яких є наступні: а) шила та голки містилися у похованнях чоловіків та жінок; б) дані речі корелювалися із дорослими; в) опрацьований матеріал свідчить про те, що на західній території зрубної культурно-історичної спільноти чоловіки мали більше шансів бути похованими із шилами; г) у старшій групі (після 40 років) цей шанс був найвищим; д) на східній території жінки мали більш високий шанс бути похованими із голками; е) шила та голки корелюються із соціально неординарними похованнями; є) частина осіб, похованих із шилами, була

причетної до управлінської та ритуальної функцій; е) части осіб, похованих із голками, була причетної до ритуальної функції.

Шила та голки виявлено також у святилищах зрубної культурно-історичної спільноти.

У поховальних церемоніях білозерської культури шила та голки корелювалися із соціально ординарними похованнями різноманітних вікових груп.

Шила та голки містилися у чоловічих та жіночих похованнях чорногорівської культури. Голки корелювалися із високою соціальною позицією. Імовірно, вони були жрецькими атрибутами.

Залучення етнографічних та фольклорних матеріалів до аналізу семіотичного статусу шил та голок дозволяє вважати їх сакральними атрибутами.

Ключові слова: Шила, голки, зрубна культурно-історична спільнота, білозерська культура, отрадненська культура, чорногорівська культура, соціальна структура, іранці, обряди.

Podobed V.A., Tsimidanov V.V.

BURIALS WITH AWLS AND NEEDLES IN EASTERN EUROPE'S CULTURES OF THE LATE BRONZE AGE AND PRE-SCITHIAN TIME (STEPPE AND FOREST-STEPPE)

Among the complexes of the Timber-Grave community there are numerous burials where the bronze awls and needles were found. The authors have analysed 36 burials with awls, 28 burials with needles, 16 burials with a set "awl + needle" and 4 burials with bone awls. Finally several conclusions were made, the most important of them are the following: a) awls and needles were found in the men's and women's burials; b) these objects take a corellation with adult people; c) the researched material show that on the western territory of the Timber-Grave community man had more chances to be buried with the awls; d) in oldest group (from 40 years) these chances were the highest; e) on the eastern territory women had more chances to be buried with the needles; f) awls and needles take a corellation with socially extraordinary burials; g) some people buried with awls had to do with the ruling and ritual functions; h) some people buried with needles had to do with the ritual functions.

Awls and needles have been found in sanctuaries of the Timber-Grave community too.

In the burial ceremony of the Belozyorskaya culture awls and needles take a corellation with socially ordinary burials of various age-groups.

Awls and needles have been found in men's and women's burials of the Chernogorovskaya culture. Needless take a corellation with a high social position. Probably they were priest's attributes.

The application of ethnographic and folk-lore materials to the analysis of the semiotic status of the awl and needle allows us to interpret these as sacred attributes.

Keywords: awls, needles, Timber-Grave community, Belozyorskaya culture, Otradnenskaya culture, Chernogorovskaya culture, social structure, Iranians, rites.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А. Каменный топор из Подстепок // Научные труды Куйбышевского ГПИ: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. – Т. 220 – Куйбышев, 1977. – С. 42-44.

Агульников С.М. Компоненты культуры Ноуа в белозерской погребальной обрядности // ССПК. – Т. XI. – Запорижжя, 2004. – С. 3-9.

Акимова С.В. Охранные раскопки кургана у с. Липовка Бобровского района Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 12. – Воронеж, 2006. – С. 93-99.

Алейников В.В. Археологические работы на территории могильника Салок-I в 2004-2005 гг. // Труды археологического научно-исследовательского бюро. – Т. III. – Ростов н/Д, 2008. – С. 5-103.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 2. – 400 с.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Крамарев А.И. Краснооктябрьский I одиночный курган // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара, 2004. – С. 223-238.

Банников А.Л. Социально-значимые комплексы и погребальный обряд в исследовании общества ранних кочевников Южного Урала // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. – Караганда: Санат, 2004. – С. 21-23.

- Басилов В.Н.** Албасты // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991а. – С. 29.
- Басилов В.Н.** Гюль-Ябани // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991б. – С. 166.
- Березанская С.С.** Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце – К.: Наук. думка, 1990. – 150 с.
- Березин Я.Б.,** Калмыков А.А. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. 1: Археология. – Ставрополь, 1998. – С. 56-95.
- Берестнев С.И.** Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепи Левобережной Украины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: тез. доп. наук. конф. – Полтава, 1990. – С. 110-112.
- Берестнев С.И.** Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.
- Беспалый Е.И.,** Беспалый Г.Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. – Ростов н/Д, 2002. – С. 19-110.
- Бровендер Ю.М.** Поселение срубной культуры у с. Лиман в Северско-Донецком Левобережье // Древние культуры Подонцовья. – Вып. 1. – Луганск, 1993. – С. 148-174.
- Ванчугов В.П.** Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. – К.: Наук. думка, 1990. – 166 с.
- Ванчугов В.П.,** Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – К.: Наук. думка, 1992. – 90 с.
- Вовк Х.К.** Студії з української етнографії та антропології. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.
- Глебов В.П.** Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. I. – Ростов н/Д, 2004. – С. 57-186.
- Горбов В.В.** Унікальний культовий комплекс на поселенні Комишувата-ХІV // Літопис Донбасу. – № 14. – Донецьк, 2006. – С. 11-22.
- Горбов В.Н.** К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи – бронзы Средней и Восточной Европы: матер. науч. конф.: в 2 ч. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 52-72.
- Горбов В.Н.,** Мимоход Р.А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.
- Горбунов В.С.** Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев, 1989. – 135 с.
- Гордин И.А.,** Потапов В.В. Предскифские захоронения у с. Пешково // ИАИАНД в 1990 году. – Вып. 10. – Азов, 1991. – С. 36-42.
- Граков Б.Н.** Ранний железный век. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 232 с.
- Гребенников Ю.С.** Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX-III вв. до н.э.) – Николаев, 2008. – 192 с.
- Дворниченко В.В.** Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. – 1981. – Вып. 170. – С. 59-64.
- Дворниченко В.В.,** Кореняко В.А. Предшественники сарматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 148-152.
- Дей О.** Весілля, записане 1845 року батьком Івана Нечуя-Левицького // НТЕ. – 1972. – № 2. – С. 85-99.
- Дубовская О.Р.** Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 181-218.
- Дудин А.А.** К вопросу о функциональном назначении деревянных чаш ранних кочевников степей Восточной Европы (IX-VII вв. до н.э.) // ССПК. – Т. XV. – Запорожье, 2009. – С. 34-37.
- Евдокимов Г.Л.** Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 107-126.
- Евдокимов Г.Л.** Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: матер. науч. конф. – Вып. III. – Запорожье, 1999. – С. 99-103.
- Захариков А.П.,** Цыбрий В.В. Охранные раскопки в Саратовской области в 2003 году // Археологические записки. – Вып. 5. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 94-103.

- Здоровета Н.І.** Нариси народної весільної обрядовості на Україні. – К.: Наук. думка, 1974. – 160 с.
- Иванов А.Ю.,** Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. – Самара, 1993. – С. 78-128.
- Изотова М.А.** Культурные комплексы на поселениях эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей: тез. докл. науч. конф. – Саратов, 1997. – С. 91-93.
- Ковалева И.Ф.** Кому принадлежали срубные погребения с бронзовыми шильями и иглами // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. науч. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 1. – С. 91-93.
- Ковальова І.Ф.,** Волкобой С.С. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. – 1976. – Вип. 20. – С. 3-22.
- Ковалева И.Ф.,** Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1981. – С. 19-44.
- Колев Ю.И.,** Мышкин В.Н. Курган эпохи бронзы у с. Осиновка // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 142-153.
- Колев Ю.И.,** Седова М.С. Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара, 2004. – С. 212-222.
- Копылов В.Н.** Погребения раннескифского времени в устье Маныча // ИАИАИАНД в 1989 г. – Вып. 9. – Азов, 1990. – С. 55-61.
- Короглы Х.** Огузский героический эпос. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
- Кубышев А.И.,** Черняков И.Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у села Чернянка // СА. – 1986. – № 3. – С. 139-157.
- Кузнецов П.Ф.,** Мочалов О.Д. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 59-92.
- Кузьмина О.В.,** Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимирский I // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 217-260.
- Лазарь А.А.** Золотые украшения кургана № 23 могильника Кырык-Оба II // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых. – Караганда: Санат, 2004. – С. 66-68.
- Ледяйкин В.И.,** Семькин Ю.А. Жертвенный погребальный комплекс Абрамовского II поселения // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара, 1991. – С. 112-130.
- Литвиненко Р.А.** Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: матер. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 82-66.
- Литвиненко Р.А.,** Косиков В.А. Курган срубной культуры у с. Терновое // ДАС. – Вып. 5. – Донецк, 1994. – С. 114-124.
- Лопатин В.А.,** Четвериков С.И. Исследование курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 23-49.
- Лукьяшко С.И.** Погребения раннего железного века из районов левобережья Среднего Маныча // ИАИАИАНД в 1994 г. – Вып. 14. – Азов, 1997. – С. 123-132.
- Лукьяшко С.И.** Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. – Вып. 7. – Азов, 1999. – 240 с.
- Ляшко С.Н.,** Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. Курганные могильники Днепровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). – Запорожье: Дикое Поле, 2004. – 178 с.
- Малов Н.М.** Погребения с булавами и втоками Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 2. – Саратов, 1991. – С. 15-42.
- Махортых С.В.** Киммерийцы Северного Причерноморья. – К., 2005. – 380 с.
- Мимоход Р.А.** Об одной группе погребений на поселениях срубной культуры // V міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. – К.: Вид-во Київськ. ун-ту, 1997. – С. 112-114.
- Мионов В.Г.** Погребения покровского времени кургана № 9 у с. Бородаевка // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 2. – Саратов, 1991. – С. 52-63.
- Молдавские сказки.** – Кишинев: Лумина, 1968. – 480 с.

- Мыськов Е.П.**, Лапшин А.С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. – Волгоград, 2007. – 100 с.
- Народные** русские сказки. – М.: Художественная литература, 1982. – 320 с.
- Новикова О.И.** Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале: в 3 т. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 433-434.
- Обыденнов М.Ф.**, Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа, 2001. – 159 с.
- Осетинские** народные сказки. – М.: Наука, 1973. – 599 с.
- Отрощенко В.В.** Особенности погребений черногоровской группы // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. науч. конф. – Вып. I. – Запорожье, 1989. – С. 111-112.
- Отрощенко В.В.** Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 5-17.
- Отрощенко В.В.** Клейноды зрубного суспільства // Археологія. – 1993. – № 1. – С. 101-109.
- Отрощенко В.В.** Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – К., 2001. – 288 с.
- Отрощенко В.В.**, Черных Л.А. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: матер. науч. конф. – Ростов н/Д, 1998. – С. 59-60.
- Очир-Горяева М.А.** Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI-IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 35-53.
- Памятники** срубной культуры Волго-Уральского междуречья // САИ. – Вып. В.1-10. – Т. I. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – 288 с.
- Полин С.В.**, Тупчиенко Н.П., Николова А.В. Курганы верховьев Ингульца (курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка). – Вып. 3. – Кировоград, 1994. – 97 с.
- Потапов В.В.** Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. – 1999. – № 1. – С. 62-68.
- Потапов В.В.** Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье // ИАИАНД в 2001 г. – Вып. 18. – Азов, 2002. – С. 70-94.
- Потапов В.В.** О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // Труды ГИМ. – Вып. 145: II Городцовские чтения: матер. науч. конф., посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (апрель 2003 г.). – М., 2005. – С. 138-150.
- Потапов В.В.** Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал // МДАСУ. – № 7. – Луганськ, 2007. – С. 269-273.
- Потапов В.В.** Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология”. – М., 2010. – 25 с.
- Привалова О.Я.**, Привалов А.И. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 94-107.
- Прокофьев Р.В.** Раскопки курганов у с. Киселево Красносулинского района // ИАИАНД в 2001 г. – Вып. 18. – Азов, 2002. – С. 114-119.
- Прокофьев Р.В.** Курганы с камнем на правом берегу Северского Донца // ИАИАНД в 2003 г. – Вып. 20. – Азов, 2004. – С. 240-326.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 366 с.
- Протоколы** заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы» // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: матер. науч. конф.: в 2 ч. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 73-95.
- Пятых Г.Г.** Исследования могильника Новый Ризадей I (Среднее Поволжье) // СА. – 1983. – № 2. – С. 216-222.
- Рейснер М.Л.**, Чалисова Н.Ю. Персидская классическая лирика: к проблеме генезиса // Труды по культурной антропологии. – М.: Восточная литература; Муравей, 2002. – С. 275-322.
- Ромашко В.А.** Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – С. 79-91.
- Ромашко В.А.** Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры левобережья Днепра // ПАП. – Вып. 1. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1984. – С. 106-114.

- Ромашко В.А.** Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1995. – 92 с.
- Ромашко В.А.** О контактной зоне культур валиковой керамики // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. науч. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 66-69.
- Санжаров С.М.,** Леоненко Ю.А. Материалы доби пізньої бронзи Проказинського поселення // МДАСУ. – № 5. – Луганськ, 2006. – С. 215-224.
- Сказки,** басни и легенды белуджей. – М.: Наука, 1989. – 221 с.
- Сказки** народов Памира. – М.: Наука, 1976. – 536 с.
- Скарбовенко В.А.** Погребения эпохи бронзы Новопавловского могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев, 1981. – С. 5-26.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Собрание** народных песен П.В. Кириевского. Записи П.И. Якушкина / Под ред. А.А. Горелова. – Т. 1. – Л.: Наука, 1983. – 342 с.
- Старцева Т.С.** Исследование кургана срубного времени в могильнике «Сады» // АВЛ. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – С. 75-79.
- Стоколос В.С.,** Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Серия 1: Исторические науки. – № 2. – Челябинск, 2004. – С. 237-256.
- Телегін Д.Я.,** Терпиловський Р.В., Козловський А.Я., Пустовалов С.Ж. Орхівські кургани на Дніпропетровщині // Археологія. – 1984. – Вип. 47. – С. 45-57.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. – К.: Наук. думка, 1976. – 224 с.
- Толстая С.М.** Ночницы // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 404.
- Топоров В.Н.** Пушан // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 456.
- Федорова-Давыдова Э.А.** Раскопки курганной группы Шахаевская I в 1972 году // Археологические открытия на новостройках. – Вып. 1. – М.: Наука, 1986. – С. 116-135.
- Цимиданов В.В.** Веретено в обрядах населения срубной культуры // Труды ГИМ. – Вып. 109: Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей – М., 1999. – С. 224–227.
- Цимиданов В.В.** Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 215-248.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004а. – 204 с.
- Цимиданов В.В.** Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // АА. – № 14. – Донецк, 2004б. – С. 260-291.
- Цимиданов В.В.** Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины // МДАСУ. – № 5. – Луганськ, 2006. – С. 193-214.
- Чабан І.** Весілля на Сокальщині // Весілля: в 2 кн. – К.: Наук. думка, 1970. – Кн. 2. – С. 125-182.
- Черненко Е.В.,** Симоненко А.В. Курганный группа Широкое III // Курганы южной Херсонщины. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 5-53.
- Черных Е.Н.,** Кузьминых С.В. Древнейшая металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Шарафутдинова Э.С.** Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. – 1991. – № 1. – С. 184-196.
- Шарафутдинова Э.С.** Начальный этап поздней бронзы в Нижнем Подонье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: матер. науч. конф. – СПб., 1995. – С. 83-87.
- Яценко С.Я.** О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Вып. 1. – Барнаул, 2007. – С. 58-66.